

Тихо покачивались гроздья глицинии. Чэн Си стоял у ворот, скрестив руки на груди и лениво прислушиваясь к шуму ветра.

За порогом царила идиллия: счастливое семейство наслаждалось обществом друг друга, тогда как снаружи то и дело сновали слуги, не смея даже взглянуть на незваного гостя. Полдненное солнце припекало нещадно, и Чэн Си уже всерьез подозревал, что Чэн Юнь притащил его сюда исключительно ради того, чтобы похвастаться.

В конце концов, достопочтенный батюшка, который, если верить слухам, истосковался по нему в разлуке, сейчас вовсе миловался с нежной супругой и послушным сыном. Он даже головы не поднимал, всем своим видом показывая, что знать не знает о замершем у порога младшем отпрыске.

Лишь родная мать Чэн Юня удостоила его быстрым взглядом, после чего демонстративно прижала к себе сына еще крепче и с улыбкой обратилась к главе секты. Ее слова вызвали у мужчины громогласный хохот. Он ласково потрепал Чэн Юня по голове, осыпая его щедрыми похвалами и без конца повторяя: «Сын мой, гордость моя!»

Увидь эту картину прежний владелец тела, он наверняка сгорел бы от удушливой зависти и ярости, готовый ворваться внутрь и прирезать счастливых мать и сына.

Чэн Си поглядел на палящее светило и рассудил, что еще немного — и его попросту высушит, словно соленую рыбу. Потеряв терпение, он громко побарабанил по створке ворот, бесцеремонно оборвав трогательную сцену семейного единения.

— Ну что, дорогие родственники, душу отвели? Столько говорить — у вас в горле не пересохло?

— Солнце-то жарит вовсю. Я вот лично пить хочу невероятно. Не найдется ли у вас чашечки чая для путника?

Троица во дворе дружно лишилась дара речи.

Только теперь пожилой глава семейства вспомнил, что у ворот мается его младший сын. Обернувшись, он расплылся в благообразной, исполненной нежности улыбке и широко раскинул руки для объятий.

— Сяо Мэй! Сколько лет, сколько зим! Ты тоже вернулся вместе с Юнь-эрм?

Прежний Чэн Си, обделенный родительским теплом с самого детства, питал к отцу болезненную, почти фанатичную привязанность. Будь он на месте нынешнего, он бы при первом же взгляде на родителя со слезами на глазах бросился в эти объятия.

Однако нынешний Чэн Си в столь жалкой подачке не нуждался. У него не было ни малейшего

желания играть в семейные драмы, да и к тактильным контактам с малознакомыми людьми он относился с безразличностью. Он лишь лениво кивнул, оставаясь на безопасном расстоянии у ворот.

— Ага, давно не виделись, — безучастно отозвался он. — Так как насчет воды? Второй брат упомянул, что у вас ко мне какое-то важное дело. Может, обсудим его в доме? Или вам больше нравится решать дела прямо на пороге?

От этого приторно-тягучего «Второ-о-ой брат» у Чэн Юня аж скулы сводило от омерзения. Он уставился на Чэн Си как на выходца с того света. Третий брат, прежде ловивший каждое слово отца, теперь стоял на пороге с безмятежной улыбкой, за которой скрывался абсолютно холодный, равнодушный взгляд.

— Впрочем, если вам угодно вести беседы посреди улицы, я не против, — добавил Чэн Си. — Только давайте поживее. Мне еще нужно вернуться домой — матушка наверняка заждалась меня к обеду.

В воздухе повисло неловкое молчание. Первой опомнилась женщина. Напустив на себя самое ласковое выражение, она торопливо подошла к Чэн Си и, не решаясь прикоснуться, мягко заговорила:

— Третий молодой господин, что же вы стоите на пороге и молчите? Проходите скорее, на улице ведь такое пекло!

Чэн Си непринужденно перешагнул порог и даже соизволил вежливо улыбнуться хозяйке:

— Благодарю вас, наложница.

Наложница оцепенела, и на ее лице отразилось то же изумление, граничащее с ужасом, что и у сына. Прежде Чэн Си упорно не замечал ее присутствия, а то, что он не именовал ее вслух презренной девкой, считалось величайшей уступкой отцу. А тут — вежливое «наложница». Небывалое дело.

«Неужели поездка на обучение так круто переменила его характер?» — опешила женщина.

Словно во сне, она отерла ладони о фартук и пробормотала, обращаясь к супругу:

— Господин, вы побеседуйте пока, а я распоряжусь насчет чая для Сяо Мэя.

Глава секты, так и не дождавшись объятий, невозмутимо опустил руки и мягко ответил супруге:

— Ступай, дорогая. Спасибо тебе.

— Да бросьте, не стоит утруждаться, — Чэн Си уже всю хозяйничал во дворе. — Мне и этого хватит.

Он преспокойно подошел к стоящему под глицинией столику, взял глиняный чайник, нашел чистую пиалу и, наполнив ее до краев, осушил залпом.

Наложница замерла посреди двора, не зная, уйти ей теперь или остаться.

Утолив жажду, Чэн Си повернулся к застывшему семейству и с легкой улыбкой произнес:

— Отец, присаживайтесь. Чего же вы стоите?

Не дожидаясь приглашения, он вальяжно опустился в кресло, предназначенное для хозяина дома. Откинувшись на спинку и оперевшись локтем в подлокотник, он обвел присутствующих гостеприимным взглядом:

— Присаживайтесь, не стесняйтесь. Чайку?

Присутствующие в очередной раз лишились дара речи.

У окраины Леса Десяти Тысяч Зверей слуга влетел во двор дома запыхавшись, едва не сбивая с ног прохожих.

— Старший молодой господин! Третьего молодого господина увезли люди главы секты! — выдохнул он, утирая катящийся градом пот. — Они прибыли сегодня на рассвете. Второй молодой господин тут же перехватил его и увез в Обитель Опавших Цветов. Госпожа, едва узнав об этом, выхватила меч и помчалась туда!

Чэн Си, занимавшийся переписыванием священных канонов, на мгновение замер. Перо в его руке дрогнуло, а брови сошлись на переносице.

— Как так? Вы не смогли встретить его?

— Второй молодой господин возвращался с Великого состязания сект в Линчжоу, — слуга рухнул на колени, страдая поднять глаза. — Говорят, среди ночи он предъявил личный приказ главы секты и силой увез его. Ваша прислуга не сумела помешать... Молим о пощаде!

Чэн Си отложил кисть.

— Немедленно отправьте людей наперерез матушке. Постарайтесь задержать ее — она ни в коем случае не должна столкнуться с отцом. — Направившись к выходу из кабинета, он бросил на ходу: — Я выдвигаюсь следом.

Чэн Си неторопливо потягивал остывший чай в тени раскидистой глицинии. Из соображений приличия наложница поспешила увести Чэн Юня, так что просторный двор опустел. За столом остались лишь двое: глава Обители Облачного Слияния на Крайнем Востоке и его младший сын. Они сидели друг напротив друга, разыгрывая чинную сцену воссоединения любящих сердец.

Сперва последовал дежурный расспрос об успехах в Академии Духовной Горы. Выслушав Чэн Си и уяснив, что тот плетется в самом конце списка успеваемости по всем дисциплинам, а единственным его достижением стала игра на эрху, даже столь снисходительный родитель не сдержал крайнего изумления.

— И чем же, позволь узнать, ты там занимался все это время?

— Принимал пилюли, спал, листал свитки в книгохранилище, — Чэн Си принялся лениво загибать пальцы, перечисляя их с Ли Цзином нехитрые будни с таким видом, будто зачитывал по памяти скучное меню. — По утрам делал пару кругов вокруг лекарственной хижины за компанию с соучениками, вечерами отмывался в травяных бочках, а в свободное время копался в клумбах.

— Что ж... — протянул глава секты, силясь сохранить благодушную мину. — Весьма... разносторонние увлечения.

— Вот и я о том же, — охотно согласился юноша.

Чэн Вэй вновь принялся пристально вглядываться в лицо сына. Тот безропотно сносил этот осмотр, попутно изучая отца в ответ. Глава секты выглядел на удивление молодо для своих лет. Очевидно, старший сын, Чэн Си, унаследовал свои черты именно от него — те же удлинённые, чуть прищуренные лисьи глаза, таящие в себе небрежное изящество и коварство.

Но если старший брат походил на молодого, игривого лиса, то сидящий перед Чэн Си мужчина, искушенный в интригах, являл собой тип прожженного, опасного и коварного зверя.

— Эх, как же быстро ты вырос, — со вздохом, полным притворного сожаления, произнес Чэн Вэй. — Помнится, совсем крохой ты ни на шаг от меня не отступал, то и дело просился на руки. А теперь вон какой вымахал... Совсем позабыл отца.

— Вовсе нет, — Чэн Си сделал еще один глоток. — Мои чувства к вам неизменны. Просто долгое отсутствие дает о себе знать: вернувшись в родные края, я оробел. Надеюсь на ваше снисхождение.

— И долго ты планируешь гостить дома?

— Месяца два. Проведу время с вами и матушкой, а после вернусь к учебе.

— Не спешил бы ты уезжать, — мягко заметил Чэн Вэй, изобразив на лице глубокую печаль. — Целых три года от тебя не было ни слуху ни духу, я места себе не находил от тревоги. Да и школы Белого Нефритового Города ничуть не хуже Академии Духовной Горы. Зачем искать счастья на стороне, когда все есть дома?

— Так вот оно какое, то самое «важное дело», ради которого вы меня звали? — Чэн Си иронично склонил голову набок. — Просто уговорить остаться в Цанчжоу?

— Я понимаю, в твоём возрасте хочется воли и приключений, — проникновенно заговорил мужчина. — Но вспомни о своём слабом здоровье, сын мой. Каждая наша встреча — на вес золота, ведь никто не знает, сколько тебе отмерено. В Линчжоу вечно беспокойно. Сперва ты пропал во время нашествия демонов, теперь едва не сгинул в пространственной расщелине во время Великого состязания сект... Прояви сострадание к родителям. Пока ты вдали от дома, я засыпаю и просыпаюсь в постоянном страхе за твою жизнь.

— И к чему клоните? — Чэн Си вскинул бровь.

— Я сосватал тебя, — наконец выложил карты на стол Чэн Вэй. Он пристально уставился на сына, выжидая его реакции и пытаясь прочесть мысли по лицу.

— Вот как, — Чэн Си невозмутимо сделал еще глоток. — И это всё?

— Всё, — у Чэн Вэя на миг дрогнули веки, словно он опасался, что расписная пиала сейчас полетит ему прямо в лоб. — И... тебе даже не интересно, о ком речь?

— А зачем? — Чэн Си снисходительно улыбнулся. — Это совершенно бессмысленно. У меня уже есть любимый человек. И даже если вы сосватаете мне сошедшую с небес бессмертную деву, я не соглашусь.

<http://bllate.org/book/18408/1799606>